

Глава четвертая

Весь оставшийся вечер Краснослав изучал мир, засыпая отца тоннами вопросов и штудирюя тонны книг, газетных вырезок и старых писем. Отец ушёл глубоко за полночь, Краснослав остался работать, пока за окном не забрезжил рассвет. Зато теперь он обладал более или менее полной картиной.

Мир полностью идентичен Старой Земле, которую Краснослав помнил только по легендам и картинкам из учебников. Развитых технологий нет, есть только примитивные попытки местных изобретателей, пользоваться Живой никто не умеет, есть только некая «магия», общество раздроблено и расслоено, а вся Империя бурлит и сотрясается от интриг, восстаний и конфликтов. Краснослав понял, что ему ещё повезло угодить в тело потомственного аристократа. Попади он в тело крестьянина или простого рабочего, пришлось бы устраивать революцию, чтоб пролезть на самый верх, а как знал Кувалда, революции — метод рептилий, которые неизбежно перехватывают благое начинание и превращают всё в полный хаос и резню.

Краткий курс истории Империи навёл его на несколько интересных мыслей по поводу своего попадания. Дважды за всё время существования государства им правили государи по прозвищу Великий, и оба из них славились жёсткими методами, внезапными реформами и резким скачком прогресса. Первого звали Пётр, и именно он превратил отсталую феодальную страну в настоящую Империю, второго звали Николай, и он жёсткой рукой сосредоточил всю власть в своих руках, а потом разбил всех врагов по очереди, отсталых япошек, ленивых турок и педантичных германцев, как было написано в учебнике.

Теперь правил внук Николая, и страна медленно катилась в пропасть, так что Краснослав твёрдо решил стать третьим Великим Императором, исключительно ради спасения народа славянорусов, которых притесняли и угнетали со всех сторон. Местные русичи неведомым образом оказались самым угнетённым народом во всей Империи. Практически всё налоговое бремя лежало на них, в регулярную армию призывались только они, тогда как из малых народов составлялись только добровольческие корпуса, даже судили их по более строгому закону.

У Краснослава даже зародилось подозрение, что все высшие эшелоны власти заполнены рептилоидами, которые открыто проводят геноцид своих заклятых врагов, славянорусов.

В дверь постучали, отвлекая Краснослава от грустных тягучих мыслей.

— Да?! — откликнулся он.

На пороге показалась одна из служанок, Краснослав откинулся в отцовском кресле. Кабинет Афанасия Ильича неожиданно оказался удобен и уютен для подобной работы.

– Батюшка ваш велел к завтраку звать, – тихо пискнула девушка.

– Уже? – Краснослав удивлённо повернулся в сторону окна. – Сейчас спущусь.

Он потёр глаза, красные после бессонной ночи, встал и отправился вслед за служанкой, одетой в простое чёрное платье и накрахмаленный белый передник.

Краснослав ожидал, что в столовой будет только отец и несколько слуг, но он ошибся. Рядом с Афанасием Ильичом сидел незнакомец, сухопарый и тощий, неуловимо похожий на главу рода. Рядом с незнакомцем сидела девушка в строгом платье под горло, скрывающим скромную грудь. Чёрные локоны спускались чуть ниже плеч. Оба гостя были расслаблены и спокойны, сидели прямо и даже величественно, но Краснослав буквально кожей ощущал висящее в воздухе напряжение.

– Ну здравствуй, племянник, – пробасил незнакомец. – Наконец-то ты очнулся.

Девушка молча стрельнула в него глазками, и капитан Кувалда успел разглядеть в чёрных глазах немалую толику отвращения, смешанную с презрением. И чем только он успел заслужить такое отношение?

– Он ничего не помнит, – произнёс Афанасий Ильич.

Незнакомец смерил Краснослава долгим изучающим взглядом. Тот, нисколько не робея, прошёл к столу и уселся на свободное место, а затем холодно посмотрел прямо в глаза мужчине. В них сквозила враждебность.

– Да? – наконец произнёс незнакомец. – Хорош наследник. Ничего не знал, да ещё и забыл.

Девушка сдавленно фыркнула, будто услышала что-то смешное.

– Я повторяю, Афоня, надо собирать всех. Всю Семью, – добавил мужчина.

– В этом нет нужды, брат, – сказал отец. – Славик вернётся в Гимназию, и всё будет хорошо.

Значит, это дядюшка. Затаил обиду? Девушка похожа на него, скорее всего, дочь.

Значит, Славику она приходится кузиной, но согласия в семье точно нет.

Краснослав внимательно изучал обстановку, не влезая в разговор. Не по чину. Пока что.

– Хорошо? – дядя рассмеялся, девушка тоже хихикнула, прикрыв рот ладошкой. – Ну-ну, Афоня.

– Я — глава рода, Дормидонт, – жёстко сказал отец. – И я гарантирую, всё будет хорошо. Похоже, за столом кипело сражение похлеще, чем на орбите Полабии-8, хотя вместо взрывов снарядов и треска лазеров лишь бряцали ножи и вилки.

– Ты не можешь ничего гарантировать. А Славик не может вернуться, он исключён, – отстранённо сказал Дормидонт Ильич.

Краснослав, наконец, решил вмешаться.

– Приказа об исключении не было, дядя, – произнёс он.

Родич посмотрел на него так, будто вдруг заговорил предмет мебели. Или ручная обезьянка вдруг стала решать уравнения.

– Согласно Уставу Гимназии, положение двадцать один, для исключения дворянина необходимо коллегиальное решение совета педагогов, утверждённое директором, – продолжил Краснослав. – Явиться на этот совет я не мог. Потому что он не состоялся. Поэтому он не состоялся.

Дормидонт Ильич посмотрел на племянника с холодным интересом учёного, готовящегося препарировать лягушку, и отложил крохотную чайную ложку на фарфоровое блюдо.

– Драка в Гимназии всегда была верным способом вылететь. Мы с твоим батюшкой хорошо помним пример братьев Заславских. Они подрались друг с другом и были исключены оба. А ты, Вячеслав, подрался с другими дворянами. Думаешь, они оставят это просто так?

– Нет, не оставят, – согласился Кувалда. – Но и я им этого просто так не оставляю. Кузина поперхнулась и закашлялась, выпучив на него глаза. Краснослав равнодушно смотрел на её покрасневшее лицо.

Пожалуй, в самой Гимназии не стоит сразу так шокировать людей. Славик был слабаком и трусом, и капитан Кувалда решил превратить это в преимущество. Слабого врага не будут бояться. А если не бояться — то подпустят близко, ближе, чем следовало бы.

– Значит, ты возвращаешься в Гимназию, – протянул дядя.

Краснослав видел, как проносятся варианты интриг и планов перед глазами Дормидонта Ильича. Даже не пользуясь Ведами. Всё было очевидно.

– Возвращаюсь, – подтвердил он.

– Агния, – резко произнёс дядя. – Ты поедешь с ним.

– Что? – вскинулась девушка. – Нет! Ни за что!

– Это не обсуждается. Ты тоже не посещала Гимназию уже полгода, – сказал он.

– И ты знаешь из-за кого! – вскрикнула кузина.

Теперь она была похожа на разъярённую фурию, взор её метал громы и молнии, и, в основном, в сторону Славика.

– Сычёвы должны вернуться вместе, – сказал глава рода. – Это будет правильно.

Другие фамилии поймут намёк.

– Да, ты прав, брат, – заметил дядя. – И ты, Агния, поможешь кузену не упасть в грязь лицом. Тем более, если он потерял память.

Девушка задохнулась от гнева, тонкие пальцы изо всех сил сжали фарфоровую чашку.

– Ни за что! Я не потерплю этого придурка рядом с собой ни секунды! – выкрикнула она. Чашка лопнула с оглушительным хлопком, который прозвучал в тихой столовой, будто выстрел. Агния вскрикнула, прижала изрезанную руку к груди, дядя вскочил.

– Успокойся, – прошипел он тихо, чтоб слышала только она. Но усиленный слух Краснослава сумел разобрать всё. – Долго терпеть не придётся.

Дормидонт Ильич взял порезанную руку дочери в свои тощие ладони, зашептал что-то себе под нос. Их руки окутало светло-зелёное сияние, порезы начали затягиваться сами собой.

Краснослав жадно вглядывался в происходящее. Неужели кто-то здесь всё-таки может управлять Живой? Но нет, потоки оставались спокойны, будто ничего и не происходило. Это было что-то совершенно новое и неизвестное.

А значит, капитан Кувалда должен этому научиться.